

В поисках стихотворений поэтессы Серебряного века Елены Константиновны Гедройц (псевдоним Мария Звездич, 1890–?) наткнулась на такие строки:

Вершины деревьев шептали невнятно
Мы шли в полумраке уснувших аллей
И лунного света узорные пятна
По белой одежде скользили твоей.
Минули года... но такие мгновенья
Из памяти сердца не выбросить прочь —
И полная трепета, неги, томленья,
Встаёт предо мной та волшебная ночь!
Подпись: «Афины. А. Смирнов».

Имя автора и лирические стихи, наполненные нежностью к безвозвратно-ушедшему и «лунным светом» скользящим по «волшебной ночи», запомнились.

Продолжаю листать иллюстрированное приложение популярной в конце XIX и начале XX веков газеты «Новое время»... и вновь А. Смирнов:

Нет сил идти вперёд... В пустыне оголённой
Не видно ни жилья, ни травки, ни куста.
Как ноги жжёт песок, лучами раскалённый,
Как жаждою горят иссохшие уста!
Но марево вдали рисует край заветный:
Сверкает гладь озёр и мрак лесов зовёт,
И в зелени садов, под сенью их приветной
Дробится, и дрожит, и плещет водомёт.
Короткий миг прошёл, и нет волшебной грёзы,
И степи горизонт опять уныл и нем;
А с жадных уст вопрос срывается сквозь слёзы:
Зачем?

В этот раз пройти мимо поэта с плачущей душой не получилось, почему-то показалось, что «унынье», «слёзы» — это не мимолетные порывы, вызванные чем-то временным, а нечто глубинное и постоянно сопровождающее автора.

Нашлось два литератора начала XX века с именем «А. Смирнов». Александр Александрович Смирнов — литературовед, литературный критик, поэт-символист, писавший критические статьи для журнала Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус «Новый путь». Он хорошо был известен в символической среде, переписывался с А.А. Блоком, публиковался в альманахе издательства «Гриф» вместе с В.Ф.Ходасевичем.

Алексей Александрович Смирнов — дипломат, писатель, действительный статский советник.

Просмотрев не менее как за десять лет газету «Новое время», сопоставив время и факты, поняла, строчки наполненные безысходностью и щемящей болью о невозможности что-либо изменить в своей судьбе, принадлежат действительному статскому советнику кавалеру орденов: Св. Владимира II ст., Св. Анны I ст., Св. Станислава I ст., Почетного Легиона офицерского креста и т.д. и т.д. Алексею Александровичу Смирнову.

Так что же заставляло тонкую натуру с тоскующей душой идти по «пустыне оголённой», а не мчаться в «край заветный», где для него всё «волшебство» и та, что в «белых одеждах»? Одна из причин — Долг. Он «служитель коллегии к делам иностранным» и, как завещал Пётр I, должен быть «верным и добрым, чтобы не было дыряво...»

Родился Алексей Александрович в Санкт-Петербурге 14 сентября 1857 г. в многодетной семье. У него шесть сестёр и брат. После «испытаний — уметь читать, писать лёгкие фразы и уметь делать

грамматический разбор» — он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по «арабско-персидско-турецко-татарскому разряду». Через пять лет, получив право на попечение министерства народного просвещения, в двадцать четыре года становится чиновником «сверх штата» в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России.

Предполагал ли он, что теперь его жизнь будет проистекать для России, но вне неё? Вероятно, да, потому как выбор факультета восточных языков был не случайным. Поступить на указанный факультет без знания нескольких языков — арабского, персидского, турецкого было невозможно. В записке профессора Казем-Бека¹ министру народного просвещения сообщается, что на факультет восточных языков «слушателей преимущественно должно принимать из окончивших гимназический курс в Лазаревском институте и в Казанской и Астраханской гимназиях». К сожалению, не удалось найти, где Алексей Александрович получил гимназическое образование и сам ли с детства увлёкся восточными языками или это выбор его родителей. Установить, кто были родители тоже не получилось. Хотя, забегая вперёд, можно отметить, что его брат — Владимир Александрович — занимал высокую должность в Министерстве внутренних дел и был действительным статским советником.

В феврале 1885 г. Смирнов получает должность помощника секретаря императорского посольства в Константинополе и уезжает на долгие десять лет в Османскую империю.

Вдали от родины он грустит о том, «Где ползёт дорожка — змейка/ Над оврагом над крутым, — /Дремлет старая скамейка/ Под орешником густым». Но в большинстве стихотворений, которые в разные годы публиковались в приложении газеты «Новое время» незримо присутствует та, что в «белых одеждах», и это основная причина его печали.

С грустью роняя листы пожелтелые,
Хмуρο деревья стоят;
Ровные тучи поля опустелые
Мелкой слезою кропят.
Дали осенним туманным окутаны,
Ветер холодный свистит...
Серые думы грустны и запутаны...

¹ Александр Касимович Казем-Бек — учёный-востоковед, первый декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Осень так мрачно глядит,
Словно сроднилось с ней чувство томящее
Чувство вражды ко всему...
Друг мой, согрей моё сердце болящее:
Холодно, жутко ему!

Дипломатическая карьера Алексея Александровича складывается удачно. В марте 1897 г. Алексей Александрович получает новое назначение, он первый секретарь русского посольства в Афинах. Один из древнейших городов планеты. Самобытный и не похожий ни на один другой город. Если не жарко, можно побродить по улочкам Монастираки, посетить лавочки ремесленников, послушать музыку и выпить кофе. Особенно красив Афинский Акрополь в лучах заходящего солнца... но:

Ты помнишь ли, друг мой, как ранней весной
В саду нашем яблонь цвела?
В цвету ароматном, под свежей листвою,
Она так нарядна была!
И ночью холодной помёрзли былинки,
Бессильно поникли листки,
И падали наземь, кружась как снежинки,
Замёрзших цветов лепестки...

Шестого декабря 1902 г. Смирнову пожаловано почётное придворное звание — камергер Императорского Двора, в следующем — чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство, и соответствующий чину генерал-майора в армии.

Пробует Смирнов писать и прозу, причём небезуспешно. Сборник «Две недели на Святой горе», вышедший в типографии Московского университета на Страстном бульваре, хозяином которой был М. Катков, начинается так: «В среду 23 июля 1886 года, в седьмом часу вечера, пароход, прямо шедший из Константинополя на Леон, выходил в Мраморное Море. Озарённые багрянцем вечернего неба, окна Скутари, стройные минареты мечетей Стамбула, кипарисы, тёмная зелень и дворцы старого Серали, всё закутывалось в золотистую дымку облаком, повисшим над огромным городом, всё отодвигалось в неясную даль. Лихорадочное оживление торгового рейса сменилось безлюдьем и тишью моря, берега раздвигались всё шире и шире; едва виднелись вдали трубы и здания Макрикии и Сан-Стефано. Пурпурное солнце погружалось за волнистую линию горизонта; золотыми отливами трепетали вечернее небо и вечернее море».

Алексей Александрович на Афонском полуострове посетит Русский монастырь св. Пантелеймона, встретится с игуменом монастыря архимандритом Макарием, библиотекарем схимонахом Матфеем (Ольшанским), осмотрит большинство из двадцати монастырей и всё это опишет в книге. Лирическое изложение завораживает, пейзажи, словно персонажи произведения, играющие особую роль в создании «живой» атмосферы Святой Горы: «Быстро догорают южные сумерки; погас огненно — красный закат, розовым кольцом охвативший всё небо; посерело нежно — лазоревое у горизонта море. Ещё несколько минут уходящий день борется с полусветом лунного вечера. Темнее становятся горы, и ещё неполный месяц, постепенно вступающий в свои права, уже озаряет белые стены монастырских зданий».

В марте 1901 г. выходит историческая повесть «Склирена». Время действия — сороковые годы XI века. Глубокие знания автора, — а Смирнов был великолепным знатоком древней культуры, традиций, устоев, — позволили ему воссоздать интересную и колоритную придворную жизнь Византии с описанием дворцов, торжественным выходом царей. Живописные картины тонко дополняются романтической интригой — любовь августейшей Склирене к пленному русскому Глебу. Современники оценили повесть, как «изящный поэтический очерк восточных нравов».

Что же поэзия? Она неизменно остаётся грустной, навеянной непроходящей болью от разлуки с той, что в «белых одеждах»: «Мне грустно, друг милый: — у нас ведь с тобою / Одна только в жизни весна!.. / И если, охвачен внезапным морозом, / Твой пышный расцвет опадёт — / Не жди обновленья, не верь светлым грёзам: / Вторая весна не придёт...». В другом стихотворении: «Мы были вместе... но в крови / Угасло пламя без возврата... / Последний, знойный день любви / Уж догорал в лучах заката».

В начале 1905 года у Смирнова новое назначение, теперь он — дипломатический агент и генеральный консул в Египте; 5 августа 1911 г. в связи с повышением статуса российского дипломатического представительства получает ранг чрезвычайного посланника и полномочного министра. Сложнейшее время для Российской империи. И только благодаря глубоким знаниям исламских и арабских проблем, эрудиции, безупречным манерам, что немало важно на востоке, посланнику удавалось решать многочисленные многоходовые дипломатические задачи во благо родины. «Одним из основных приоритетов своей работы в долине Нила посланник считал активное препятствие стремлению Англии превратить Египет в колонию».

Даётся это нелегко, в одном из писем своему другу — председателю Российского театрального общества А.Е. Молчанову — он напишет: «Очень одиноко я себя чувствую — право, поговорить не с кем». И изо дня в день, из года в год всё те же наполненные непроходящей горестью строки:

Пускай мой стих, навеянный тобой,
К тебе дойдёт чрез горы и моря,
Пусть он звенит немолчною мольбой:
Вернись ко мне, вернись, моя заря!
Лишь о тебе живя воспоминаю,
Я не могу о прошлом не тужить:
Я полон весь твоим очарованьем,
Я жажду вновь былое пережить...

В 1908 году в «Новом времени» выйдет рассказ «В лазурной глубине». Это неспешное повествование нырятеля за губками «седобородого старика Грека с острова Калимноса» Георгия Орлова, получившего своё имя «от далёкой и холодной родины» автора. Георгий вспоминает о детстве, родных, брате Мице, пополам перекушенном акулой. Рассказывает о русском учителе гимназии Карле Флегеле, приехавшим поправлять расстроенное здоровье, и всю оставшуюся жизнь отдавшим «борьбе с водолазными аппаратами, на защиту от них безвестных, бедных губколовов», потому как «покупая второсортные или из вторых рук, когда и нагревательные машины, и резиновые рукава, и сам костюм из рук вон плохи — аппарат становится убийственным».

Говоря о Карле Флегеле, Георгий произносит такие слова: «всякий ведь работает, старается обеспечить себя, всякий больше думает о себе. А вот когда человек потихоньку, незаметно, как муравей, делает своё не громкое, но великое дело на пользу других, на пользу человечества, и не ищет себе ни славы, ни выгоды — это, пожалуй, совсем другое, чем работать для себя или даже чем из тщеславия бросить толпе часть своих, Бог знает как нажитых миллионов». Можно предположить, что это не иначе как позиция самого Смирнова, стремящегося жить именно так.

Тема другого рассказа, как заверяет автор, «дана была мне князем Сергеем Михайловичем Волконским²». Первоначально повествование кажется скучноватым. Пустые, длинные разговоры за карточным столом в доме княгини Евгении Львовны Вихорцевой. Но появляется новый персонаж — младшая сестра Евгении —

² Князь Сергей Михайлович Волконский (1860–1937) — русский театральный деятель, режиссёр, критик, мемуарист, литератор

Елена, и всё меняется. Автор переносит читателя в прошлое сестёр. Евгения — двадцатипятилетняя девица, в неё влюблён учитель младшей сестры Алекторский. Он делает предложение, она «высокомерно отвергает саму мысль о браке с плебеем». Больше к ней никто не посватается. Проходит тридцать лет, Алекторский «семинарист и попович занимает видный пост и считается предназначенным в сенат». Теперь он делает предложение Елене, старшая сестра категорически против. Елена, вопреки воли сестры, даёт согласие на брак. Скромная свадьба, невесте больше сорока лет. Вечером у новоиспеченного мужа случается апоплексический удар и через несколько месяцев он умирает. Сёстры в одиночестве доживают свой век. Чем не намёк, что не следует кичиться знатным происхождением или какими другими заслугами, ведь у Бога на всё свои планы.

Название рассказа вынесено в заглавие сборника «Из сумрака былого», вышедшего в издательстве А.С. Суворина в феврале 1909 г. В это же время свет увидели повести «Брат» и «На закате» отдельной книгой.

Иногда Смирнову удавалось «урвать» несколько дней «попутешествовать». Так в апреле 1912 г. он побывал в Судане, где и родились такие строчки:

Хоть смел человек, хоть полон он дерзкой гордыни,
Хоть помыслом властным над миром парит он орлом,
Но как он бессилен пред мощным покоем пустыни,
Ничтожной песчинкой затерян в пространстве немом!
До края небес разлеглось необъятное море
Волнистых песков и унылых, бесплодных камней;
Лишь ветер порой пронесётся, крутясь на просторе,
Но знойно дыханье его, раскалённое жаром лучей.
И дни вечереют, и небо пылает закатом,
И в звёздном мерцанье таинственно ночи летят —
Пустыня недвижна в своем цепененье заклётом...
Живому там жутко... там вечность со смертью царят.

Тысяча девятьсот четырнадцатый год. Египет провозглашён британским протекторатом, что означало де-юре его выход из состава Османской империи. В октябре российское представительство создаёт «Русский комитет помощи жертвам войны в Александрии». Сюда начинают поступать сотни раненых и бывших пленных, которых необходимо обеспечить всем необходимым. Это только одна из задач, стоявших перед сотрудниками представительства. Выдержка из депеши генерального консула в Каире Смирнова министру иностранных дел от 6 марта (22 февраля с/с)

Смирнов
Алексей Александрович

1916 г.: «Работы по защите Суэцкого канала продолжаются без перерыва. Тысячи работников заняты сооружением новых рядов траншей. В нескольких местах между каналом и существующей уже линией железнодорожной дороги проведены новые ветви рельсового пути <...> Британские военные считают, что взять теперь канал или даже дойти до его берегов совершенно невозможно, и смело ожидают возмездного похода германо-турецких сил».

Известие о буржуазной революции в России Алексея Александровича застаёт за работой. Он не сомневается «в благополучном исходе настоящего кризиса» и уверен что «стремление к победе над врагом удесятерится в свободной России». Поэтому и он сам, и его сотрудники продолжили спокойно выполнять свой долг.

События октября семнадцатого года он не признал. Дипломатические отношения между двумя государствами вскоре были прерваны, и традиционные связи заморожены, что первоначально совсем не коснулось работы представительства и посланника. Русская колония в Египте не только осталась, но и быстро пополнялась бежавшими из охваченной Гражданской войной страны. Только в январе–марте 1920 г. на пяти пароходах из Новороссийска в Александрию прибыло свыше четырёх тысяч человек. Всех нужно разместить, помочь найти работу, что усложнялось требованием английских колониальных властей — предоставить две рекомендации, потому как они видели в каждом прибывшем большевика. Российское представительство помогала всем — русской поликлинике, открывшейся в 1920 г., «многим русским обществам и коллективам, возникшим на берегах Нила, а также индивидуально другим соотечественникам».

За всестороннюю помощь Алексея Александровича в русской колонии стали называть — «отец». Где брались средства? Из России кредитование прекратилось сразу после революции. Посланник писал письма, ходил лично к английской колониальной администрации, послам других стран, в представительство США, Франции, в международные организации. Просил, убеждал, уговаривал.

Я всю ночь не смыкал утомлённых очей...
Я коню спутал быстрые ноги
И, ковёр разостлав на песке у камней,
Первых звёзд ожидал, полон тревоги.
Ночь настала... В тиши, замирая, я ждал
Шум шагов на песке запоздалый...
Лишь в пустыне кричал, не смолкая, шакал,
Да похрапывал конь мой усталый.
Вольной негой дышал тёплый ветер степей,
В небе звёзды горели так ясно...
До последней звезды, рассветных лучей,
Одинокий, прождал я напрасно...
Я всю ночь не смыкал утомлённых очей!

6 октября 1923 г. «англо-египетский» кабинет представительству, «почти единственному в мире учреждению, сохранившему в полноте и чистоте преемственности законной России», отказал в легитимности и изменил своё отношение ко всем русским эмигрантам. Ни помещения, ни средств и никакой возможности помогать другим, но «отец» находил возможности помогать соотечественникам — рекомендациями, связями, хорошим расположением к посланнику без представительства.

В начале 1924 г. Алексея Александровича сбивает автомобиль. Он уже тяжело болел «нильскими нарывами», вызванными длительным и безвыездным проживанием в жарком и влажном климате. Перелом костей ступни вызвал заражение крови, и 18 февраля Смирнова не стало. Его отпевали в греческом православном храме, похоронили на православном кладбище при храме Св. Георгия в Старом Каире. Многие годы могила была заброшена, но благодаря усилиям Г.В. Горячкина³ могила была найдена, в 2002 г. российским посольством установлена новая мраморная плита.

До середины двадцатого года на каирских книжных развалах ещё можно было найти книги Смирного. Единственный сборник стихов, вышедший в 1919 г. в Египте, большая редкость, отсутствует даже в каталогах РГБ, РНБ. По утверждению аукционного дома, предлагающего экземпляр, в сборнике более сотни стихотворений — «Акрополь», «Муэдзин», «С берегов Нила» и др.

Когда-то Алексей Александрович мечтал об издании своих произведений в России и обращался к своему другу А.Е. Молчанову за помощью: «Не знаете ли вы кого-нибудь и не можете ли иметь

³ Геннадий Васильевич Горячкин — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока МГУ.

влияния в редакции “Нивы”. Дело в том, что я хотел бы, чтобы они сделали полное собрание моих сочинений. <...> Со стихами, прозой, шуточными вещами, путешествиями и заметками у меня набралось бы на 4-5 томов очень разнообразного материала. Как Вы находите мою мысль? Думаю только, что с этим надо поторопиться...»

Сегодня в свободном доступе можно прочитать только историческую повесть «Склирена». Кто была та, в «белых одеждах» к которой обращался во многих своих стихотворениях Смирнов, к сожалению, найти не удалось. По утверждению Г.В. Горячкина Алексей Александрович был холост, и тогда можно предположить — это его первая или неразделённая любовь.

Исследуя творчество авторов Серебряного века, уже неоднократно приходилось писать — «к сожалению, не нашла», «к сожалению, не известно» и т.д. Действительно многое утеряно, забыто... Слишком непростое время выпало на долю нашей страны. Но так радостно бывает, когда достойные произведения русских авторов возвращаются к русскому читателю.

Нет нас не пугали / Средь жизни невзгоды,
Ни холод, ни мрак, ни ненастье... / Нам ярко сияли,
Маня всё вперёд, / Заветные грёзы о счастье.
Но время минуло... / Напрасно ждала
Душа и любви, и участия... / Нас всех обманула,
Нам всем солгала / Прелестная сказка о счастье!

И чтобы ни случилось, какие бы невзгоды ни выпали на долю нашего народа, мы всегда будем верить в «прелестную сказку о счастье» и стремиться вперёд.

ЛИТЕРАТУРА

Высшие чины Российской империи: (22.10.1721–2.03.1917): биографический словарь: в 4-х томах. Москва. РГБИ.

Горячкин Г.В. Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова // Восточный архив. 2008, № 17.

Конволют. О восточном факультете Санкт-Петербургского университета. РГБИ.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. 1914–1917 гг.: Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Москва. РГБИ.

Новое время: Иллюстрированное приложение. Санкт-Петербург: А.С. Суворин. 1897–1917. РНБ.

Русский вестник. 1887 г. Т. 186. НЭБ.

Московская область, г. Красноярск